

Весь процесс шел почти так, будто две вещи происходили одновременно.

Только человек, досконально знающий кухню, мог сделать подобное.

Но Тан Сяотан, казалось, воспринимал это как нечто само собой разумеющееся: помешивая томаты, в самый подходящий момент подсыпал сахар, добавлял уксус, клал мед для вкуса, а когда всё полностью превращалось в пасту, бросал щепотку соли для усиления вкуса.

Теплый, кисло-сладкий, самодельный томатный соус, подобный рубину.

Тан Сяотан глубоко вдохнул поднимающийся кисло-сладкий пар, переложил соус в посуду, подогрел молоко и расставил всю еду на обеденном столе.

Затем он стремительно помчался в ванную, выдавил зубную пасту на щетку хозяина и отрегулировал температуру воды для душа.

Небо едва светлело. Подготовив всё необходимое, Тан Сяотан метнулся на террасу, удалил все видеофайлы за прошлую ночь, и, быстро перебирая длинными ногами, уже развязывал диванный чехол на своей талии, как услышал, как дверь спальни открылась, и хриплый голос Сы Ханьцзюэ медленно приблизился:

— Сяотан? Где ты был...

Биологические часы Сы Ханьцзюэ работали с невероятной точностью. Как только подходило время, он просыпался.

Тан Сяотана рядом не было, но в воздухе витал необычайно насыщенный сладкий аромат. Сы Ханьцзюэ глубоко вдохнул, запах проник в его легкие, и всё тело постепенно начало пробуждаться.

Оглядевшись в полумраке, когда ночь еще не отступила, Сы Ханьцзюэ, потирая виски, поднялся и машинально потянулся к своему мармеладному мишке.

Только встав, он нащупал рядом аккуратно сложенную одежду.

Нижнее белье лежало сверху, сложенное аккуратно и искусно. Взгляд мужчины дрогнул, и он, не подавая вида, поднялся, оделся и вышел из спальни.

В воздухе витал след дыма и огня. Сы Ханьцзюэ замедлил шаг и повернул в столовую.

И, как и ожидалось, там стоял соблазнительный яичниц, рядом с поджаренным хлебом лежал красивый, прозрачный томатный соус, а чашка теплого молока источала насыщенный, ароматный пар.

[Сы Ханьцзюэ: ...]

Уголки губ мужчины дрогнули в улыбке. Он достал телефон и отправил сообщение Цзян Юю:

[Пришли мне видео с камер наблюдения за прошлую ночь.]

Цзян Юй тут же ответил:

[Нет его. Кажется, удалили.]

Сы Ханьцзюэ, глядя на томатный соус, кристально чистый, как хрусталь, и на два яичных желтка, похожих на маленьких желтых утят, едва улыбнулся:

[А резервная копия?]

Цзян Юй:

[Секунду, сейчас.]

Сы Ханьцзюэ усмехнулся. Он заранее предполагал, что видео удалят.

Его маленькая мармеладка, неизвестно насколько же она умна.

Поэтому в комнате было две конечных точки видеонаблюдения: одна на террасе, а резервная — у Цзян Юя.

В ванной на зубной щетке уже была выдавлена паста, все та же, с маленьким острым кончиком, и даже ледяной мятный запах казался милым.

Сы Ханьцзюэ взял щетку, посмотрел на свое отражение в зеркале и коварно улыбнулся.

Как бы ни была умна маленькая мармеладка, именно он был тем крайне пронизательным рыбаком.

Мужчина хитро улыбнулся, лукавый огонек мелькнул в глубине его глаз. Он спокойно сел в столовой, уставившись на соблазнительный завтрак перед ним.

Края яичницы были ровными и слегка поджаристыми, застывший белок чистым и белоснежным, ему придали форму двух мультяшных облачков. Два слегка загустевших желтка покорно лежали внутри облаков, мягкие и ленивые, словно два желтых солнышка, еще не пробудившихся от утренней дремоты, вынужденные работать, уютно устроившись на облаках. Когда мужчина сел и задел стол, два желтка, похожие на утят, вздрогнули, покачиваясь вместе с тарелкой, создавая мягкие, тягучие волны.

На поджаренном хлебе громоздился самодельный томатный соус, кусочки мякоти были отчетливо видны, каждый блестел и искрился, в кисло-сладком аромате все еще сохранялся особый запах овощей и фруктов, словно пригоршня красного колотого снега, сочного, сладкого и вкусного.

Сы Ханьцзюэ поковырял в соусе маленькой вилкой и с удовольствием обнаружил, что там нет ни кусочка кожицы помидора — он ненавидел эту штуку.

Каждую его прихоть, каждую неприязнь запоминала одна маленькая конфетка.

Это чувство заставило улыбку застыть на губах Сы Ханьцзюэ. После ледяной боли жизни он снова ощутил то едва уловимое, почти забытое чувство — счастье быть любимым, быть тем, о ком помнят.

С этим чувством счастья мужчина зачерпнул немного томатного соуса и попробовал. Кисло-сладкий вкус, словно родник, пробившийся в безмолвной пустыне, мгновенно пробудил спящие вкусовые рецепторы.

Потрясающе.

Прекрасный вкус, прекрасная маленькая конфетка.

Сы Ханьцзюэ приподнял бровь, во взгляде мелькнуло удивление, чувственные губы слегка приподнялись, и он принялся уплетать свой особый завтрак.

В воздухе сладкий аромат, присущий только мармеладному мишке, еще не рассеялся, дразнящий конфетный запах нежно переплетался с ароматом еды. Одна лишь мысль об этом заставляла сердце сжиматься от желания проглотить этот сладкий источник, кусочек за кусочком.

В теплых лучах рассвета Сы Ханьцзюэ ел с аппетитом, его глаза были наполнены теплом, невыразимой нежностью.

Маленький мармеладный мишка, уже давно превратившийся обратно в конфетку, прятался у входа в столовую, цепляясь маленькими ручками за косяк, его сияющий взгляд был прикован к хозяину, завтракавшему.

Хозяину, похоже, очень нравится завтрак, приготовленный конфеткой!

Хе-хе-хе, маленькое розовое тельце Тан Сяотана стало еще слаще!

Это аромат счастья!

Сладкий запах мгновенно стал насыщеннее. Сы Ханьцзюэ обернулся, маленький мармеладный мишка захихикал, «бью!» подпрыгнул и забрался на спину хозяина, быстро пробежав по задней части шеи мужчины, спрятался в теплой одежде и громким, мягким, милым голосом заявил:

— Угадай, кто такая конфетка!

Угадай, кто такая конфетка.

Вопрос был до глупости милым.

Сы Ханьцзюэ потянулся, чтобы схватить озорного мармеладного мишку, но Тан Сяотан ловко уворачивался. Хотя смех звучал прямо у самого уха, поймать его никак не удавалось.

Чувство щекотки, словно маленькая змейка, медленно ползло вдоль позвоночника. Краешки глаз Сы Ханьцзюэ покраснели. Он потянулся, чтобы достать маленькую мармеладку, спрятавшуюся в одежде, но Тан Сяотан, увлекшись игрой в прятки, пользуясь своим маленьким размером, залез в одежду и спрятался.

Искры вспыхивали, разгораясь, и сердце защемило от зуда. В глазах мужчины вспыхнуло горячее багровое зарево, его лицо потемнело, и он прикрикнул:

— Выходи!

— Не выйду, не выйду! Хозяин, лови меня! — Тан Сяотан юркнул вниз, озорно крича из одежды. — Не поймаешь конфетку! Бла-бла-бла!

Наглый и безрассудный.

Конфетка, которой балуют, всегда ведет себя так самоуверенно.

Сы Ханьцзюэ рассмеялся от злости.

Он глубоко вдохнул, изо всех сил сдерживая утренний греховный огонь, раздраженный и взволнованный, быстрыми шагами вернулся в спальню и снял одежду.

Тан Сяотан скользил, скользил, скользил... и скользнул в таинственное место.

Таинственная темнота, жаркая, палящая.

Не успев сообразить, что это, Тан Сяотан вскрикнул, и Сы Ханьцзюэ швырнул его на кровать вместе с одеждой.

Сы Ханьцзюэ повернулся спиной, его лицо было слегка красным, дыхание прерывистым, и он, несколько смущенно, накинул верхнюю одежду.

— Не балуйся!

В голосе мужчины звучала странная злость. Он несколько раз прокашлялся, пытаясь скрыть непонятное беспокойство в своем выражении лица. Приведя одежду в порядок, Сы Ханьцзюэ, не оглядываясь, выскочил из комнаты, сделал несколько шагов, затем, крайне смущенный, вернулся, взял телефон с кровати, рванул в ванную и с грохотом захлопнул дверь.

Тан Сяотан распластался на кровати, обхватив маленькие ручки, напряженный, с торчащими ушками.

Пропал. Конфетка снова, снова и снова разозлила хозяина!

Холодная вода, плеск за плеском, окатывала лицо, и сердце, доведенное до грани возгорания, наконец начало понемногу остывать.

Сы Ханьцзюэ поднял голову и посмотрел на свое отражение в зеркале.

На красивом лице блестели капли воды, красивые капли скатывались по острым скулам, соблазнительные и вызывающие. Он слегка нахмурился, под зрачками таился вулкан, готовый взорваться, выражение лица было холодным и серьезным, но уши были красными, почти прозрачными. Мельчайшие водяные брызги повисли на ресницах, заставляя всё видеть сквозь туманную дымку.

И только Тан Сяотан мог довести его до такого беспомощного и неловкого состояния.

Сы Ханьцзюэ с сожалением скривил губы.

Когда ты поправишься, когда ты полностью выздоровеешь, тебя обязательно нужно будет сурово наказать!

Мужчина выдохнул струю горячего воздуха и включил телефон.

Цзян Юй уже прислал видео с камер наблюдения за прошлую ночь.

<http://bllate.org/book/15589/1395482>